

DOI 10.25991/AE.2019.85.57.018
УДК 82–12

М. Никё

Мишель Никё — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой славянских языков университета г. Кан (Université de CAEN Normandie, Professor emeritus), Франция

ФИЛОСОФИЯ ФАКТА У М. ГОРЬКОГО. ОТ ФАКТА К ФИКЦИИ

Анализ употребления М. Горьким слова «факт» позволяет определить его отношение к действительности, к правде, к литературному творчеству (к очерку в особенности). Факт — первичный (идеи вторичные), и требует оценки, отбора, обработки вплоть до «домысла». Отвергая фактографию левовцев, не подчиняясь «частному факту», предпочитая положительные факты вредной правде, Горький призывает к творению новых фактов, составляющих социалистическую «третью действительность», — «действительность будущего».

Ключевые слова: М. Горький, факт, правда, «Наши достижения», очерк, «литература факта».

М. Niqueux

PHILOSOPHY OF FACT BY M. GORKY. FROM FACT TO FICTION

Analysis of M. Gorky's use of the word «fact» makes it possible to determine his attitude to reality, to truth, to literary creation (to the essay in particular). The fact is primary (secondary ideas), and requires evaluation, selection, processing, up to «fantasy». Rejecting the factography of the Lef, not submitting to the «particular fact», preferring positive facts to the harmful truth Gorky calls for the creation of new facts constituting the socialist realistic «third reality» — «the reality of the future».

Keywords: M. Gorky, fact, truth, «Our achievements», essay, literature of fact

При чтении произведений Горького, художественных, как и публицистических, можно заметить частоту употребления слова факт и выражения «это факт!» или просто «Факт!» Поиск в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgo.ru) даёт 136 вхождений в 15 художественных текстах, — больше всего в четвертом томе «Жизни Клима Самгина» (48 примеров), и 102 в нехудожественных текстах (письма учтены лишь до 1906 г.), — прежде всего в «Несвоевременных мыслях» (39) и в выступлениях на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1934 г. (27). Анализ употребления слова факт позволяет определить отношение Горького к действительности, к правде, к литературному творчеству.

Отметём сначала примеры с нулевым значением слова «факт»: оно может служить антецедентом относительного местоимения, лишним в письменной речи, но служащим опорой в устной речи:

«Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт [= на то], что творцы фольклора жили тяжело и мучительно» [1, т. 27, с. 305, доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей]

«Вам известен тот факт, что [= Вам известно, что] исключительное, небывало мощное развитие русской литературы XIX столетия повторило — хотя и с некоторым опозданием — все настроения и течения литературы Запада и в свою очередь влияло на неё» [1, т. 27, с. 310]

Как утвердительная частица (= верно, несомненно), слово факт употребляется в пьесе «Дачники» 9 раз Басовым, который как будто сам высмеивает

эту привычку: «— Факт, факт — как говорят утки...» [2, т. 7, с. 265]

В «Жизни Клима Самгина» неблагозвучие слова факт отмечается самим Горьким:

«— Факт! — сказал Туробоев, кивнув головой. — Факт! — ненужно повторил он каркающим звуком». [2, т. 22, с. 540]

«Факт, — закончил он [Максим Ряхин] квакающим звуком успокоительный рассказ свой». [2, т. 22, с. 625]

Чаще всего «факт» означает «явление», продукт человеческой деятельности (физической или умственной): «Нужно помнить, что все — в нас, все — от нас, это мы творим все факты, все явления» [4., гл. XXXIV].

Факты, для Горького, как и для Самгина, — первичны, идеи — вторичны:

«Он [Самгин] издавна привык думать, что идея — это форма организации фактов, результат механической деятельности разума». [2, т. 24, с. 343]

«Мысль приходит после факта». [1, т. 24, с. 499]

«Идеи вырастают из фактов и питаются фактами». [1, т. 27, с. 91]

Даже в идеологической области Горький отстаивает первичность факта. По поводу проекта журнала «Литературная учеба» он пишет А. Камегулову (январь 1930 г.):

«Возвращаю рукописи. Впечатление — унылое. Большинство статей преследуют цели не “Лит. учебы”, а — политучебы. <...> Для меня неоспоримо, что воспитание, [и] обучение на фактах всегда прочнее и успешнее воспитания, обучения на выводах

из фактов. Политграмма — система выводов из всей массы фактов [истории] прошлого и настоящего, литература — скопище фактов, сформированных словом в образы, характеры, картины. Мне кажется, что, рассматривая [анализируя] процессы создания литературных фактов, мы от них должны восходить к политическим выводам [и умозаключениям], а не наоборот, — не от политики спускаться к литературе». [3, т. 19, с. 178]

Как относиться к фактам? Вопрос о факте связан с вопросом о правде, которому еще в 1893 г. Горький посвятил притчу «О чиже, который лгал, и о дятле — любителе истины», и образ Луки («На дне», 1902): правда может быть обухом говорит Лука [2, т. 4, с. 166]. «Голый факт» [1, т. 23, с. 186] нужно оценить, трактовать, интерпретировать, «продумать» [1, т. 25, с. 54], даже «прочувствовать» [1, т. 27, с. 320]. Этот вопрос отсылает нас к Канту (мы познаём не «вещь в себе» («сама по себе»), а только явления через наши субъективные свойства), и к Ницше.

Несмотря на то, что Горького оскорбляло «непонимание философии Канта, “вещи в себе”» [3, т. 18, с. 200; 2, т. 24, с. 126], он усвоил его лексику:

«“Это глупо, как факт”, — сказал Бальзак [в «Шагреновой коже»], и этим он как нельзя более точно определил значение факта самого по себе. Факт сам по себе нумен, и он очень мало поучителен и ценен до поры, пока путем толкования и исследования не будет превращен в феномен». [1, т. 23, с. 185 (1896 г.)]

Для Ницше, как и для Канта, ноумен (вещь в себе) — объект для разума, не имеющий видимых проявлений (в отличие от феномена): «факты не существуют — есть только интерпретации», говорит Ницше («Посмертные фрагменты»).

Сам Горький принял участие в споре об истине, который разгорелся между Богдановым и «махистами» с одной стороны, Плехановым и Лениным с другой стороны.

Богданов писал в «Эмпириомонизме» (1904–1906), полемизируя с Плехановым (и потом с Лениным в статье «Вера и наука» 1910 г.):

«Для меня марксизм заключает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин <...> Для объективной истины надъисторической — критерия нет в нашем “историческом” мире <...> Истина — это живая, организующая форма опыта, она ведет нас куда-нибудь в нашей деятельности, дает точку опоры к жизненной борьбе». (Книга 3, гл. 1)

Для Ленина «отрицание объективной истины Богдановым есть агностицизм и субъективизм» («Материализм и эмпириокритицизм» (1909), гл. 2). Горький, который осудил «хулиганский тон» книги Ленина явно стоит на стороне Богданова в этом споре об истине:

«Как хороший практик — он [Ленин] ужаснейший консерватор. “Истина незыблема!” — это для всех

практиков необходимое положение, и если им сказать, что, мол, относительно всякая истина — они взбесятся, ибо не могут не чувствовать колебания почвы под ногами». [3 т. 7, с. 138. Письмо Н. Б. Малиновской и А. А. Богданову от конца мая 1909 г. из Капри]

В «Жизни Клина Самгина» Клима характеризуется своим скептическим отношением к фактам. Он занят главным образом наблюдением, собиранием фактов, «оценкой фактов» [2, т. 22, с. 114], из которых он остерегается строить, как интеллигенты, «системы фраз», — он «устал «регистрировать факты», «системы фраз»» [2, т. 23, с. 308]:

[Иноков]: «— Человек — фабрикант фактов. „Система фраз“, — хотел сказать Самгин, но — воздержался». [2, т. 22, с. 73]

«Но от размышлений он воздерживался, предпочитая им „факты“». [2, т. 22, 369]

«Вообще от философических размышлений он воздерживался, предпочитая им „факты“». [2, т. 22, 406]

«В конце концов — все сводится к той или иной системе фраз, но факты не укладываются ни в одну из них. И — что можно сказать о себе, кроме: „Я видел то, видел это“?» [2, т. 23, с. 217]

[Самгин] «не умел или не хотел — может быть, даже опасался — вскрывать внутренний смысл фактов, искать в них единства». [2, т. 24, с. 169]

Идея (мысль) должна быть «способна к работе организации фактов в стройную систему фраз». [2, т. 24, с. 344]. Факт, как для постмодернизма, — лишь лингвистическая конструкция, в отличие от «события» [5, с. 367].

Иноков знает, что факты можно использовать как угодно:

«— Фактов накоплено столько, что из них можно построить десятки теорий прогресса, эволюции, оправдания и осуждения действительности». [2, т. 22, с. 73]

Тагильский сетует на то, что «Воспитывают нас как мыслящие машинки и — не на фактах, а для искажения фактов. На понятиях, но не на логике, а на мистике понятий и против логики фактов». [2, т. 24, с. 147]. Факты подменяются идеями.

Вслед за Томилиным, «для Самгина характерна готовность усомниться в самой реальности происходящих событий. “Да — был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?” — постоянно повторяет Самгин» [9, с. 131].

И в поздних размышлениях Клина слышен голос (лексика) самого Горького (наш курсив):

«Я слишком увлекся наблюдением и ослабил свою волю к действию. К чему, в общем и глубоком смысле, можно свести основное действие человека, твор-

ца истории? К самоутверждению, к обороне против созданных им идей, к свободе толкования смысла фактов. [2, т. 24, с. 261]

«Толкование смысла фактов» лежит в основе творчества Горького-писателя и публициста. Уже в пору работы в «Самарской газете», Горький обратился к Короленко (в письме от начала марта 1895 г.) с вопросом: «— Скажите, что Вы думаете о том, как я трактую факт? О самой ценности факта? О тоне? Ашешов говорит — нужно писать живее» [3, т. 1, с. 75]. Короленко ответил:

«Статейка, нагроможденная вся на одном факте, — похожа на некий шар, поставленный на иглу. У Вас это не в такой степени, как было у Чирикova, — но все-таки хорошо бы добиться того, чтобы факты подбирались систематично, не случайно, и подчеркивались лаконичнее и выразительнее». [8, с. 30]

Художник должен «обладать способностью обобщения, типизации повторных явлений действительности» [1, т. 25, с. 132]:

«Художественная литература не подчиняется частному факту, она — выше его. <...> Литературный факт — вытяжка из ряда однородных фактов, — он типизирован» [1, т. 25, с. 133].

Важен выбор фактов. Во-первых, Горький отделяет частные, «случайные» факты от фактов общего значения: ещё в 1898 г. двойник писателя («читатель») говорил, что нужно «возвести случайный факт твоего существования на степень феномена, необходимого для людей». [2, т. 4, с. 121]:

«Человек теперь не царь земли, а раб жизни, утратил он гордость своим первородством, преклоняясь перед фактами, не так ли? Из фактов, созданных им, он делает вывод и говорит себе: вот непреложный закон! <...> Он и не борется больше, а только приспособляется». [2, т. 4, с. 118–119]

В «Дачниках» Марья Львовна советует Рюмину, который говорит о бессмыслии бытия человека: «— А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости, — вот ваша жизнь и получит смысл...» [2, т. 7, с. 204]. Во-вторых надо отделить отрицательные факты от положительных, и дать предпочтение последним. Даже в «Несвоевременных мыслях», где дан пример различного освещения одного и того же факта в прессе [4, гл. XXI], Горький призывает не останавливаться на отрицательных фактах:

«Грязь и хлам всегда заметнее в солнечный день, но часто бывает, что мы, слишком напряженно останавливая свое внимание на фактах, непримиримо враждебных жажде лучшего, уже перестаём видеть лучи солнца и как бы не чувствуем его животельной силы». [4, гл. XXXI]

«Подсчет отрицательных свойств и фактов сделан и делается ежедневно, с удовольствием, и пора призадуматься нет ли вокруг нас явлений и фактов положительных?» [4, гл. XXXIV]

«Не поддавайтесь злым внушениям жизни, станьте выше фактов». [4, гл. LIII]

Надо поднять человека, «творца фактов, над фактами» (отрицательными) [4, «Новая Жизнь» № 107 (322), 4 июня (22 мая) 1918 г.].

Любителю собирать отрицательные факты («чернуху», как будут говорить в 1980–1990-е гг.) Горький посвятил в 1928 г. сатирический фельетон под названием «Факты», подписанный «Самокритик Словотёков»: «В часы, свободные от занятий в Трахтресте, ходит Иван Иванович Унывающий по улицам, посматривает на подобных ему совчеловеков и, выковыривая из действительности всё, что похуже, мысленно поёт весьма известный романс». [2, т. 17, с. 111]

Журнал «Наши достижения» (1929–1937), задуманный ещё в 1927 г. [1, т. 24, с. 300] и должен был стать зеркалом этой другой, положительной правды, органом ««контр-фактов»», если употребить выражение американского представителя «бюро для гипноза общественного мнения» [2, т. 6, с. 220]. Цель журнала, по словам Луначарского (в мае 1928 г.) — «собирать <...> все положительные факты» [11, с. 83].

Екатерине Кусковой (высланной в 1922 г. за границу), которая писала ему по поводу его статьи в советской прессе о «механических гражданах» о том, что «односторонняя правда не есть вовсе правда», Горький отвечал 22 января 1929 г.:

«У Вас есть привычка не молчать о явлениях [т. е. фактах], которые Вас возмущают, я < же > не только считаю себя вправе и могу молчать о них, но даже отношу это умение к числу моих достоинств. Это аморально? Пусть будет так. Но не считайте это парадоксом или вообще какой-то словесной уловкой.

Суть в том, что я искреннейше и непоколебимо ненавижу правду, которая на 99% есть мерзость и ложь. Вам, вероятно, известно, что, будучи в России, я публично и печатно, и в товарищеских беседах выступал против «самокритики», против оглушения и ослепления людей скверной, ядовитой пылью будничной правды. Успеха я, разумеется, не имел. Но это меня не охлаждает, я знаю, что 150-ти мил<лионной> массе русского народа эта правде вредна и что [людям] необходима другая правда, которая не понижала бы, а возвышала рабочую и творческую энергию. Такая правда, возбуждающая доверие человека к воле своей, к разуму, — уже посеяна в массе, она дает превосходные результаты». [3, т. 18, с. 212]

В письме к Сталину от 27 ноября 1929 г. Горький сетует на публикацию отрицательных фактов не столько эмигрантской прессой, сколько советской, откуда их черпает эмигрантская и буржуазная пресса:

«Освещение советской действительности эмигрантской и вообще буржуазной прессой основано почти целиком на фактах отрицательного характера, публикуемых нашей прессой в целях педагогических и агитационных, — в целях самокритики. <...>

Густо подчеркивая факты отрицательного порядка, мы даем врагам нашим огромное количество материала, которым они весьма умело пользуются против нас <...>» [3, т. 19, с. 125]

В своем ответе Сталин защищает «самокритику»: «Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застои, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса». [3, т. 19, с. 542]. Видно, что самокритика не означает одно и то же для Горького и для Сталина: Горький имеет в виду факты будничной действительности («факты разгильдяйства, лени, пьянства, воровства, хулиганства» [3, т. 19, с. 127]), Сталин же — политические; для него самокритика является орудием против «правого» лагеря, с которым Горький хотел примирить Сталина («Страшно обрадован возвращением к партийной жизни Бухарина, Алексея Ивановича [Рыкова], Томского», — пишет он Сталину 29 ноября 1929 г. из Сорренто [3, т. 19, с. 132]. «Факты отрицательного характера» («недостатки») он готов «уравновесить (я бы сказал — перекрыть) нашими достижениями» [3, т. 19, с. 545]. Горький развивает своего рода «информационную войну»: «Нам крайне легко перекрыть свое плохое — гораздо более “плохими” явлениями быта современной Европы» — пишет он 29 ноября 1929 г. А. Халатову по поводу проекта журнала «За рубежом» [3, т. 19, с. 132; см. там же, с. 348].

Для «Наших достижений» Горький хочет создать «тип упрощенного очерка, сжатого, фактического, без излишних украшений от беллетристики <...>» [1, т. 25, с. 60]. Вместо сухих отчетов «“по протокольным материалам”, в которых нет ни одной живой строки, нет ярких красок», — «основное, что нам нужно, — это живой очерк, насыщенный фактами, убедительными и легко понятными» [1, т. 25, с. 59, «О том, как надобно писать для журнала “Наши достижения”, “Известия” 23 августа 1929 г.] Он писал П. Х. Максиму 28 сент. 1928 г.: «уничтожьте “беллетристику”, описательную его часть, и погуще подчеркните факт <...>» [3, т. 18, с. 50].

Значит ли, что Горький — сторонник «литературы факта», выдвинутой левовцами против «литературы вымысла, именуемой беллетристической» [10, Н. Чужак, «Писательская памятка»]?

Сходство «производственного очерка» первых лет «Наших достижений» с левовской фактографией налицо, хотя Горький осуждает точную фиксацию фактов левовцами-фактографистами и конструктивистами как натурализм: «Литература факта, т. е. — самый грубый и неудачный “уклон” натурализма» [3, т. 19, с. 183; 1, т. 25, с. 131]. Для Горького же литература — не «зеркало» действи-

тельности [1, т. 25, с. 351], «человек не фотографический аппарат, он не “фиксирует” действительность, а или утверждает, или изменяет ее, разрушает» [1, т. 25, с. 444–445].

В отличие от левовцев, Горький не отвергает «фабулу»: «Очерк не “безфабулен”, ибо всегда фактичен, а факт — уже всегда “фабула”» [3, т. 19, с. 86]. К тому же он приветствует «красочность». Факты надо изображать «картинно и ярко» [3, т. 18, с. 285; см. 1, т. 25, с. 59]:

«Очерк надобно сделать кратко — но красочно <...> Побольше иллюстраций фактами». [3, т. 18, с. 77]

«Лирики — не надо, факты — лучше. Но факт изображайте — по возможности — красочно, ярко». [3, т. 18, с. 281]

Горький допускает полубеллетристический уклон: журнал «рассказывает в живой полубеллетристической форме о новых фактах, изменяющих действительность к лучшему» [1, т. 24, с. 410–411].

Постепенно, но особенно с 1932 г., документальность обрастает художественной изобразительностью и даже «домыслом». Теперь Горький выступает против «простой, протокольной регистрации фактов» [11, с. 49], и признаёт «право писателя-очеркиста на поэтический домysel, но при том непременно условии, что домysel этот не искажает реальные факты» [11, с. 53]. «С 1932 в Н[аших] Д[остижениях] доминирует “беллетризованный очерк”, который со временем переходит в “очерковую новеллу”, в чистую соцреалистическую литературу» [5, с. 373]. В 1933 г. перевальский критик С. Пакентрейгер говорит: «нужна <...> фактическая правда. Но без вымысла, преобразующего и обобщающего действительность, нет искусства правды» [5, с. 374]. В 1935 разразится дискуссия «о факте и вымысле в очерке» [5, с. 377; 6, с. 119]:

«Так очерк — жанр документальной литературы погрузился в соцреалистическую фиктивность. <...> “Корни ошибок очеркистов первой пятилетки” лежат “в рабской зависимости авторов от наблюдаемых фактов”, — утверждал теперь член редколлегии “НД” Владимир Канторович. Другой участник дискуссии заявил, что “факт — это повод для вымысла”». [5, с. 377–378]

В итоге было заявлено, то «фактографический очерк, представляющий между прочим одно из превращений натурализма, остается наибольшей опасностью в очерковой литературе» [5, с. 378].

Такая же эволюция произошла и в журнале «СССР на стройке»: фотофакт превращается в живуюпись, «искусство торжествует над реальностью, и только так рождается “советская действительность”, — «Преображенная реальность» [5, с. 399, 29], «вторая действительность» [1, т. 25, с. 97], «иные формы бытия» через «возвышающий душу обман» [2, т. 4, с. 121, 123].

Парадокс в том, что отношение Горького к факту как относительной правде включает его в лагерь идеалистов, против которого он сам воевал вместе с марксистской критикой. Это и есть «революционный романтизм» [7], который Горький настойчиво внедрял в понятие социалистического реализма: «Миф — это вымысел. Вымыслить — значит извлечь из суммы реально данного [т. е. фактов] основной его смысл и воплотить его в образ — так мы получаем реализм», — и романтизм, если «добавить», «домыслить» к нему «желаемое» [1, т. 27, с. 312; 3, т. 19, с. 247]. Субъективность факта восторжествует в литературе соцреализма. Факты — не такая уж «упрямая вещь», «как говорил Сталин» (или Воланд).

То, что «Горьковские достижения представляют в основном субстанцию ирреальную, ибо все они в будущем», как писала Е. Кускова [3, т. 18, с. 750], Горький не отрицает:

«Учесть критику со стороны врага надо! Будем помнить наш ленинский девиз: “Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано”. Значит, побольше внимания фактам действительных достижений — пусть небольших, но ощутимых. О планах будем говорить, но попутно, как о продолжении того, что достигнуто». [3, т. 18, с. 751]

В итоге получается такая цепочка, уже обозначенная в самом начале творческого пути Горького: Человек («творец фактов») — Факт-1 («голый факт») — Идея (оценка фактов, «организация фактов в систему фраз» [2, т. 24, с. 344]) — Факт-2 (продукт идеи, факт + вымысел): «“Наши достижения” дают обильнейший материал фактов для организации понятий, идей, которые — в свою очередь — способствуют созданию новых фактов» [11, с. 121,

письмо от мая 1935]. Таким образом от факта путь открыт к фикции, создающей «третью действительность» (после действительности прошлого и действительности настоящего («на 90% — хлам и мусор» [3, т. 19, с. 328]), — «действительность будущего» [1, т. 27, с. 419, речь на втором пленуме Правления ССП, 7 марта 1935].

Литература

1. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1953.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1958–1976.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 1–20. М.: Наука, 1996–2018.
4. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре 1917–1918 гг. М.: Советский писатель, 1990. 394 с.
5. Добренко Е., Политэкономия соцреализма. М.: НЛЮ, 2007. 592 с.
6. Заламбани М. Литература факта. От авангарда к соцреализму. СПб.: Академический проект, 2006. 222 с.
7. Никё М. Революционный романтизм // Гюнтер Х., Добренко Е. (ред.), Социалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 472–480.
8. Переписка М. Горького и В. Г. Короленко. Сборник материалов. М.: ГИХЛ, 1957. 288 с.
9. Синяевский А. А. М. Горький // История русской советской литературы в трех томах. Т. 1, М.: Изд-во Академии наук, 1958. С. 99–167.
10. Чужак Н. (под ред.) Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М.: Федерация, 1929. Ре-принт М.: Захаров, 2000. 354 с. (<http://ruslit.traumlibrary.net/page/sbornik-literatura-fakta.html>)
11. Шумский А. М. Горький и советский очерк. М.: Советский писатель, 1962. 404 с.